

Р е ц е н з и и, о б з о р ы, и н ф о р м а ц и я

Фантазия и абсурд в «Косиножке» А. Г. Лысова[Александр Лысов. *Косиножка. Новые стихи*. Вильнюс, 2004, 203 с.]

Дологическое и сверхлогическое в ряде случаев совпадают. Так, определяя русскую философию, А. Ф. Лосев заметил, что она представляет собой «дологическую, досистематическую или, лучше сказать, сверхлогическую, сверхсистематическую картину течений и направлений»¹. Это же совпадение «до» и «сверх» прекрасно иллюстрирует и современная наука, архисложным путем добираясь к образным космологиям древних мифов, в которых многое предугадано.

Высказывание Лосева в еще большей мере может быть отнесено к русской литературе, великолепно передающей ультрапарадоксальное состояние человека. Дологизм и сверхлогизм, перевернутое управление в паре «мысль и слово» очень характерны для книги лирики «Косиножка» известного литературоведа и поэта А. Г. Лысова.

В отраженной реальности художественного произведения группа антизакономерностей оказывается теснейшим образом связанной, во-первых, с законами фантазии, среди которых можно выделить: сращивание признаков различных объектов; умножение и разделение объектов; установление реально не существующей связи; превращение части в целое и обратно; возникновение из ничего и исчезновение объекта, и, во-вторых,

с нарушениями правил логики (нетождественность, противоречивость, наличие исключенного третьего, отсутствие достаточных оснований)². У Лысова исключенное третье живо является перед нами в выворачивающих душу стихах, совпадающих в этом с историей, которая, по Л. Фейербаху, есть «выворачивание вывернутого»: *И встречи нет / И нет уже разлуки / Всем существом / Исполнен я тобой / Как беззащитны верящие руки / Весны прибой? / Иль боль наперебой?* («И встречи нет...»). Так возникает состояние неразлучности и «невстречи», радости и беды. Любимый человек может находиться очень далеко, но переполнять человеческую душу, быть ближе близкого, и руки здесь в случае измены ничем не смогут помочь.

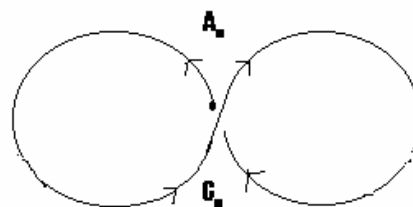
Одна из больших удач книги «Косиножка» – стихотворение «Неточная рифма» с вечной темой пересмешника, выламывающегося из тихой лжи общественной благопристойности и благодати. Ведь он и со всеми, и вне всех: *Как всем ему темно и жутко, / Когда, смеясь, он смеет сметь, – / Едва родившаяся шутка / В себе рифмует сметь и смерть*. Шутка, слово становятся гибелью шутника. Отметим, что лысовский шут «прыгает» дальше и выше земных властей.

¹ Лосев А. Ф., *Страсть к диалектике*, Москва, 1990, с. 68.

² Воронин В. С., *Законы фантазии и абсурда в художественном тексте*, Волгоград, 1999, с. 6–7, 13.

Он часть, должна превратиться в целое, его судьба может стать нашей общей могилой: *Пародией на мир злословной – / Раз в Вечность – рязеный двойник, / Он входит в ангельские сонмы / Смутить улыбкой Божий Лик.* Можно вспомнить Ломоносова, не желающего быть шутком ни перед земным, ни перед небесным царями. Но шут вполне серьезно (А) своей улыбкой (не-А) намекает на несовершенство сотворенного мира, и торжественность момента подчеркнута исключительной резкостью и редкостью Раза, призванного указать на недостатки Образа и подобия Божьего. Это происходит Раз в Вечность, а затем, вслед за смущением Бога – избавление от бесстыдного мира. Понятно, что шуту есть за что пересмеивать этот мир. И устанавливая реально не существующую связь, бубенцы превращаются в колокола, площадное представление в площадь перед храмом, где урод и юродивый творят не шутку, а молитву, стремясь докричаться до нас и до Бога: *И как шуту не расстараться / Не рвать у Рода удила / Ведь в бубенцах его дурацких / Звонят по нам колокола.* Как мне кажется, это общий и главный надрывный мотив «Косиножки». Даже «путник у озера» (в стихотворении «Облака светлый край...»), наблюдающий, по всей видимости, рассвет, не избегает противоречий. Кто-то (часть от целого) видит Рай, как «свет золотой, ничей». Но сам путник уверен в обратном: *В бликах не угадать / Облик живой Творца.* Тем не менее, возможность появления Высших сил предполагается, но далеко не в мирном облике, соответствующем начальному пейзажу. Свертываются измерения бытия. Высь исчезает, глубинная вертикаль сменяется горизонтальной далью или обнаруживает бездну. Концы и начала сходятся, предполагается, что *далью воспрянет глубь / Выпадет высь из снов / Может уже у губ / Выдох последних слов.* А ход времени обна-

ружит свое второе измерение, тогда как человеческая личность станет одномерной: *В веки уйдут века / Лики из лиц-личин.* А вот и несостоявшаяся аннигиляция противоположностей, явленная в «Змей-озере», в котором *живет небылица, / Как с высей низвергнутый Дух / Пречистого рая частицу / Укрыл в преисподнем саду.* Однако небо прорывается сквозь землю и становится озером. Хотя, возможно, его просто выбило с другой стороны земли первоначальным ударом. Автор прибегает к предельному умножению объектов, говоря о несметных полчищах гадов, стерегущих небесную частицу, покрывших ее своими «извивами мертвой петли». В то время как силы зла множатся, озеро резко сокращается в своих метафорических размерах. Сначала оно «небо в венках», потом «небесный глоток», и, наконец, «Божья слеза». Сложная перекрученная геометрия мебиусовского листа, которую поэтически воплотил уже Данте в своей «Божественной комедии», оживает здесь. Повторяя путь «заветных радуг», человек может спуск с горы превратить в подъем к горным мирам, уцелеть, пройдя через саму смерть: *сквозь гада недвижимое око, сквозь тысячи прянувших жал.* Это, конечно, торсионная модель мира, данная П. Я. Сергиенко³. Сходя из точки С в средоскрестие петли, в сужающийся мир можно выйти на другой его стороне в мир расширяющийся:

³ Сергиенко П. Я., *Триалектика. Новое понимание мира*, Пушино, 1995, с. 61.

Но можно и не пройти сквозь эту точку перегиба пространства-времени и навсегда застыть *над преломленным небом / В кувшинках, / Как в звездном венце*. Странное озеро, частица небесного рая – это и сам человек, окруженный возможными соблазнами, своей собственной ложью, масками, в которых он утратил свой собственный лик. Святой и грешный человек принужден каждый раз преодолевать самого себя. Как писал П. Флоренский о религии: «Она одолевает геенну, которая в нас и языки которой, прорываясь сквозь трещины души, лижут сознание. Она поражает гадов “великого и пространного” моря подсознательной жизни, “им же несть числа”, и ранит гнездящегося там змея»⁴. Высь и глубь, небеса и бездна очень часто совпадают в лирических мирах Лысова, поэтому лирическому герою не хватает «крыла и весла», чтобы укрыться от стрелы, находящей свою цель уже «на излете».

В вышеназванные законы фантазии мы не включили перевоплощение. В большинстве случаев оно оказывается комбинацией указанных. Скажем, Царевна-лягушка из одноименной сказки на время испытаний для своего мужа перевоплощается из земноводного животного в мудрую красавицу. При этом и в обличьи лягушки она имеет ту же душу, что и в

образе женщины. Происходит только временное исчезновение прежнего облика, реликтом которого оказывается шкура лягушки, и возникновение нового. Мы помним, что сожжение шкурки в огне, должно запретить, по мысли Ивана-царевича, обратный переход, привело к исчезновению женщины из родного дома и появлению ее в царстве Кощея.

Внимание поэта тоже привлекает шкурка, как нечто связывающее на короткой дистанции две разделенные во времени стадии эволюции объекта: человек и земноводное. Но у поэта жечь шкурку, отрекаясь от биологической подосновы разума, приходится самой героине: *Полно слепнуть в смертных жмурках / Извиваясь на огне?* (стихотворение «Шкурка»). Превращение живого в мертвое и наоборот запечатлевают «Мыльные цветы», где автор рисует трогательную картинку детских ладошек, отмываемых цветами заброшенных могил. «Цветы жизни» и цветы смерти сводятся поэтом в бытовой образ, исполненный высокой символикой. «Цветок со смертной водой» выступает залогом бессмертия. Многоликое «нас» объединяет здесь ушедших, живущих и тех, которым еще долго предстоит жить: *Не оттого ли в мертвом мыле / Несем свой век и стыд мечты, / Что на заброшенных могилах / Нас по мн я т мыльные цветы!?*

Владимир Воронин

⁴ Флоренский П. А., «Разум и диалектика», Флоренский П. А., *Собр. соч. в 4 тт.*, Москва, 1996, т. 2, с. 132.